

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ТРЕВОГИ И ВНУТРЕННЕГО КОНФЛИКТА В ОБРАЗЕ ПЕТЕРБУРГА (РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА)

Давлатова Шахло Хуррамовна

преподаватель Денауского института предпринимательства и педагогики,

davlatovashahlo1970@gmail.com

Хусанов Бахриддин Номоз угли

студент Денауского института предпринимательства и педагогики

Аннотация. Статья рассматривает, как в русской литературе XIX века создаётся образ Петербурга как пространства повышенной психологической напряжённости. В центре внимания лингвостилистические маркеры тревоги и внутреннего конфликта: лексика сенсорной дискомфортности, экспрессивные оценочные средства, синтаксические приёмы прерывистости, а также модальные индикаторы неопределённости и принуждения. Методологической базой служит понимание города как «текста» и механизма порождения смыслов; эмоциональная составляющая описывается в координатах лингвистики эмоций.

Ключевые слова: образ города, лингвостилистика, тревога, внутренний конфликт, экспрессивный синтаксис, эмотивность, художественная модальность.

Abstract. The article explores how 19th-century Russian literature constructs St Petersburg as a space of heightened psychological tension. The focus is on linguostylistic markers of anxiety and inner conflict: sensory-discomfort vocabulary, evaluative expressive devices, syntactic fragmentation, and modal indicators of uncertainty and coercion. The analysis relies on the semiotic view of the city as a “text” generating meanings and on the linguistics-of-emotions framework that differentiates description, expression, and reflection of emotions.

Keywords: city image, linguostylistics, anxiety, inner conflict, expressive syntax, emotivity, modality.

Введение. Образ Петербурга в русской литературе XIX века трудно свести к топографическому описанию: город функционирует как особая семиотическая система, в которой пространство «говорит» навязывает персонажу ритм, температуру переживания, траектории движения и даже формы внутреннего монолога. Именно поэтому исследование тревоги и внутреннего конфликта в «петербургском» художественном мире продуктивно вести не только на уровне тем и сюжетов, но и на уровне **языка:** тревога «проявляется» в

выборе слов, в синтаксической организации фразы, в модальности, в сбивчивости или, напротив, навязчивой повторяемости.

Семиотический подход помогает увидеть город как текст и как генератор текстов: у В. Н. Топоров прямо формулируется мысль, что «текст... обучает читателя правилам выхода за свои собственные пределы» [1, с.5].

Теоретически важно также различать уровни эмоционального в тексте. В лингвистике эмоций предлагается разводить **описание, выражение и отражение** эмоций, описание связано с номинацией эмоций, выражение с намеренным выбором средств, а отражение со спонтанной «просадкой» эмоционального состояния в ткань речи [3, с.101].

Материал и методы. **Материал** понимается как совокупность характерных для XIX века художественных способов «говорить городом» (на уровне словаря и синтаксиса) с опорой на общеизвестные тексты и мотивы, связанные с Медный всадник, Шинель, Невский проспект, Белые ночи, Преступление и наказание (цитирование художественных фрагментов сведено к минимуму; упор делается на лингвистические наблюдения).

Методы:

- **лингвостилистический анализ** (выявление экспрессивных средств, оценочных и модальных маркеров);
- **семиотический подход к городу:** город как пространство и город как имя (двойственность городской семиотики у Ю. М. Лотман: «город как пространство» и «город как имя» [2, с.30]);
- **эмотиологическое различие** описание/выражение/отражение эмоций [3, с.101];
- **анализ экспрессивного синтаксиса**, включая парцелляцию как приём смыслового и эмоционального усиления [4, с.99].

Результаты. Петербург в литературной традиции XIX века часто мыслится как **созданный** и потому «условный» город: город-проект, город-воля, город-знак. Отсюда повышенная символическая плотность и ощущение, что пространство не нейтрально. В семиотической перспективе важно, что город существует одновременно как **пространство** (геометрия улиц, границы, маршруты) и как **имя** (наименование, мифологема, культурный ярлык)[2,с.30]. Эта двойственность делает тревогу «двойной»:

- тревожит **материальная среда** (сырость, холод, теснота, шум, полумрак);
- тревожит **семантика имени**, то есть культурная память и ожидания, которые «налипают» на город.

В «петербургском тексте» напряжение нередко собирается в узлы «жизнь/смерть», «закон/преступление», «свет/мгла», «величие/унижение». У М. М. Бахтин хронотоп определяется как неразрывность пространственно-временных отношений, художественно освоенных в литературе [6, с.121]. В применении к Петербургу это означает: тревога рождается не только из «места», но и из «времени» из ускорения, сжатия, давящей плотности событийности, когда город как будто постоянно подталкивает к перелому.

На лексическом уровне тревога особенно стабильно кодируется через **сенсорную негативность**. Для «петербургского» словаря показательны группы:

1. **Температурно-влажностная зона:** холод, сырость, промозглость, липкая влага, туманность.

Эффект создаётся тем, что признаки среды описываются как *проникающие* и *навязчивые*: не просто «холодно», а холод «въедается», «давит», «обволакивает». Это переводит физическое ощущение в психологическую тональность.

2. **Оптика полумрака и размытости:** мгла, сумрак, мутность, «серость», мерцание, неясность.

Здесь тревога усиливается «неуверенным зрением»: мир плохо различим, а значит – плохо контролируем. Внутренний конфликт подпитывается постоянной недоопределённостью.

3. **Лексика тесноты и сжатия:** каморка, угол, закоулок, тесный, низкий, давящий. Важен не только смысл, но и устойчивый перенос: теснота пространства становится метафорой тесноты выбора и «запертости» сознания.

4. **Слова социальной уязвимости** (унижение, бедность, «малость», ничтожность) часто соседствуют с городской предметностью. Так создаётся впечатление, что город – «социальный пресс», который делает частного человека ещё более уязвимым.

Эти лексические зоны удобно рассматривать через эмотивный компонент значения. В лингвистике эмоций подчёркивается, что эмотивная составляющая может функционировать как самостоятельный компонент семантики и выражать типизированное эмоциональное состояние говорящего [5, с.21]. Для «петербургского» образа важно: даже когда эмоция прямо не названа, сама лексика среды выбирается так, что **эмотивная доминанта** (тревожность, подавленность) становится фоном высказывания.

Если лексика создаёт «материал тревоги», то синтаксис часто воспроизводит её **динамику**, тревога не течёт ровно, она скачет, прерывается, возвращается.

Наиболее показательны:

(а) Парцелляция как приём дробления фразы на несколько самостоятельных отрезков. Парцелляция определяется как «особый способ членения единой синтаксической структуры... на две или несколько коммуникативно самостоятельных фраз» [4,с.99].

В «петербургской» речи парцелляция работает как имитация:

- сбитого дыхания;
- внезапной остановки мысли;
- психологического спазма, когда сознание «спотыкается» о деталь.

(б) Неполные предложения и эллипсис. Тревожное состояние часто выражается через «недоговорённость», когда смысл приходится достраивать. Это создаёт эффект угрозы: недосказанное воспринимается как потенциально опасное.

(в) Риторические вопросы и самопереспрашивание. Они моделируют внутренний спор: мысль не утверждает, а проверяет себя, сомневается, «зависает» между вариантами.

(г) Интонационные разрывы (тире, многоточие), усиливающие ощущение внутреннего конфликта: персонаж как будто одновременно хочет сказать и не может.

Внутренний конфликт это не просто сильное чувство, а столкновение импульсов: «надо/не могу», «хочу/нельзя», «правильно/невыносимо». В языке такие столкновения поддерживаются модальностью.

Типовые модальные индикаторы:

1. **Долженствование и принуждение** (надо, должен, нельзя, необходимо). Эти слова создают давление нормы, закона, внешней силы – и усиливают конфликт между личным и предписанным.
2. **Неопределённость и «плавающая» референция** (как-то, где-то, что-то; кто-то; будто; кажется). Неопределённость важна для тревоги: страх часто питается тем, что объект угрозы не оформлен, не «назван». Поэтому тревожный текст тяготеет к размытым указателям, к «полутону».
3. **Сбои контроля:** конструкции, где агент действия исчезает или размывается (безличные и неопределённо-личные структуры). Они создают ощущение, что события происходят «сами», а субъект не управляет происходящим.

Эти средства хорошо соотносятся с различием «выражения» и «отражения» эмоций: отражение эмоций описывается как неконтролируемое субъектом речи и не имеющее специфических средств кодирования на уровне

отдельных единиц [3, с.101]. То есть тревога может быть не «сообщением», а состоянием, которое проступает через модальные колебания и общую неустойчивость высказывания.

Главный результат наблюдений можно сформулировать так: тревога создаётся **не одиночным маркером**, а устойчивыми **сцеплениями** (пучками) средств. Ниже – типовые комплексы.

Комплекс	Лексика	Синтаксис	Модальность	Психологический эффект
«Сенсорное давление»	сырость/мгла/холод/теснота	дробление фразы	«как будто», «кажется»	тревога как телесное удушье
«Разрыв мысли»	нейтральная лексика + 1–2 «тёмные» слова	парцелляция, многоточия	«нельзя/надо»	внутренний спор, самопринуждение
«Неуправляемое»	слова случайности/слепой силы	безличные/неопределённые формы	«вдруг», «как-то»	ощущение, что события сильнее субъекта

Именно такие комплексы делают художественный Петербург пространством, где внутренний конфликт не выглядит случайностью характера: он кажется **почти законом среды**.

Обсуждение. Семиотическая традиция описывает Петербург как уникальный культурный механизм: он одновременно является и «текстом», и «машиной порождения текстов». В этой рамке становится понятно, почему тревога так устойчива: город не просто изображается он **структурирует смысл** и задаёт способы переживания. Показательно, что у В. Н. Топоров Петербургский текст мыслится как устройство перехода «от реальности материальной к духовным ценностям», а текст «обучает» выходу за собственные пределы [1, с.5]. Тревога здесь не «украшение», а один из способов такого перехода: через страх, стеснение, «мглу» персонаж вынужден рефлексировать и пересобирать себя.

Оптика хронотопа позволяет увидеть, что тревога закрепляется в связке «пространство + время»: городская теснота и лабиринтность усиливаются ощущением ускоренного, сжатого времени. Формула М. М. Бахтин о хронотопе как выражении неразрывности пространства и времени [6, с.121] помогает объяснить, почему «петербургская» тревога так часто переживается как безвыходность: когда сужается пространство, «сжимается» и временной горизонт решений.

Различение описание/выражение/отражение эмоций позволяет аккуратнее трактовать «тревожность» текста. Иногда тревога описывается (эмоция названа), иногда выражается как коммуникативная задача, но особенно характерно для Петербурга **отражение** когда эмоциональное состояние разлито по тексту и поддерживается синтаксической нервностью и сенсорной негативностью [3, с.101].

В таком режиме город становится своеобразным «эмоциональным резонатором»: он не только «показывает» тревогу героя, но и «настраивает» речь так, чтобы тревога читалась даже там, где она прямо не названа.

Заключение

Образ Петербурга в литературе XIX века формируется как семиотически плотное пространство, где тревога и внутренний конфликт выступают структурными эффектами городской модели (город как пространство/имя [2, с.30]). Лексические маркеры тревоги концентрируются вокруг сенсорной негативности (холод, сырость, мгла, теснота) и социальной уязвимости; их действие усиливается эмотивной составляющей значения [5, с.21].

Синтаксические маркеры (парцелляция, неполные конструкции, обрывы) воспроизводят динамику тревоги как прерывистого мышления; парцелляция особенно важна как способ экспрессивного дробления [4, с.99]. Наиболее убедительный «тревожный эффект» создают комплексы средств: сенсорное давление + разорванный синтаксис + конфликтная модальность. Теоретически продуктивно различать описание/выражение/отражение эмоций, поскольку «петербургская тревога» часто проявляется именно как отражение – спонтанно и дискурсивно [3, с.101].

Список литературы

1. В. Н. Топоров. Петербург и петербургский текст русской литературы (Введение в тему) // *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. – С. 5–.

2. Ю. М. Лотман. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам XVIII*. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. – С. 30–.
3. Л. А. Пиотровская. Теоретические основания разграничения терминов «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» в лингвистическом анализе // *Terra Linguistica*. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 101–117. – DOI: 10.18721/JHSS.16207.
4. Анна Стасенко. Перцепляция обстоятельств в современном русском языке (на материале художественных текстов) // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. – 2015. – № 11. – С. 99–108. – DOI: 10.18778/1731-8025.11.12.
5. В. И. Шаховский. Эмотивный компонент значения слова // *Вопросы языкознания*. – 1994. – № 1. – С. 20–25.
6. М. М. Бахтин. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике: электронный ресурс. – С. 121 (по пагинации файла).